

Хоть похожа на Россию...

Об авторе: Леонид Маркович Григорьев – руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ. Павлюшина Виктория Александровна – магистр НИУ ВШЭ.

Тэги: бразилия, политика, экономика, общество

Хороши карнавальные песни.

Но до Гурченко им далеко... Фото Reuters

Стоит напомнить тем, кто позабыл: государство наше стояло на трех китах – на цензуре, насилии и коррупции. Было время позора и страха, время переполненных тюрем, мучителей и мучеников, вранья о «бразильском чуде», время египетской работы и неслыханного казнокрадства, время показухи. Кое-кто и сейчас еще по этому времени тоскует.
Жоржи Амаду, бразильский писатель

Вряд ли мы сильно ошибемся, если в самом начале этих заметок скажем, что изначально большинство россиян знает Бразилию благодаря двум мощнейшим символам далекой от нас страны. Только в последние четверть века наши туристы и бизнесмены освоили пляжи и красоты Рио-де-Жанейро, рынки. Наконец в последние годы при формировании системы БРИКС у наших стран начался процесс более глубокого знакомства между российскими и бразильскими студентами, учеными, деятелями культуры, стали сопоставляться и изучаться схожие социально-экономические проблемы. Хотя бразильская нация, конечно же, образовалась совершенно иным образом, нежели российское общество.

Но начнем мы с Пеле и бразильского кофе.

Что касается кофе, то Бразилия в течение полутора веков производила его больше всех в мире. Примерно 80% этого продукта составляет сорт «арабика». И применительно к Бразилии тому есть историческое объяснение.

Согласно преданию, кусты кофейного дерева привез в страну в XVIII веке некий полковник, который урегулировал какой-то пограничный конфликт на территории французской колонии Гвианы. Якобы цветущие кустики подарила суровому воину влюбленная в него тамошняя губернаторша.

Так это или нет, но ценность «букета» была признана в Бразилии очень быстро. К 1850 году в страну для выращивания и производства кофе было завезено почти полтора миллиона рабов. Поэтому, когда в Москве

в наше время появился лучший футболист мира чернокожий Пеле, ставший уже великим и рекламировавший кофе, это стало невольным историческим напоминанием о том, каким трудом Бразилия завоевывала кофейный рынок. С тех пор и мы все «подсели на арабику».

Ну а сам Пеле завоевал для своей страны очень много, участвуя в «любимой игре миллионов». В 1965 году он играл в составе бразильской сборной товарищеский матч в Москве. Два тайма на нем постоянно «висели» два советских защитника, которые всеми дозволенными и недозволенными приемами пытались не дать звезде прорваться к воротам.

Но Пеле дважды освободился на каких-то десять секунд. И этого ему хватило, что забить два гола, которые еще долго будут обсуждать постоянные московские болельщики.

Может возникнуть вопрос: почему рассказ о члене БРИКС Бразилии мы начали не с экономических или политических, а скорее с исторических и психологических факторов, определяющих очень многое в самоидентификации бразильского общества?

Ответ опять же дает специфика общества, которое вышло из рабства только в 1888 году, и о вдохновляющей роли футбола в формировании нации. Неудивительно, что в ожидании чемпионата 2014 года страна мечтала о реванше: в 1950 году бразильцы проиграли Уругваю в финале чемпионата на своей земле. Но, к общему ужасу бразильского народа, реванша не получилось.

Бразилия, хозяйка чемпионата мира 2014 года, в полуфинале проиграла Германии со счетом 1:7! Это была национальная трагедия, без объяснения которой невозможно представить себе ни образ этой страны, ни судьбу ее народа.

Как Дон Педро II с рабством разобрался

Бразилию во второй половине XIX века можно было уверенно называть большой территорией с разбросанными по ней плантациями и небольшими, в сущности, городами.

Правление Дона Педро II (последнего императора Бразилии) с 1840 по 1889 год было отмечено огромными изменениями. Все началось с решения проблем, созданных рабством. Уже в 1840 году была запрещена работорговля. Затем появились законы об освобождении рабов. Вначале (1871) были объявлены свободными все дети рабов. Затем в 1888 году были освобождены все рабы.

Эти решения Дона Педро II вызвали тревогу и недовольство собственников крупных кофейных плантаций. Но мало-помалу плантаторы стали привлекать к работе в основном итальянских и испанских иммигрантов, и массовое производство кофе выстояло. И даже когда в 1889 году буржуазия, вдохновив армию, совершила переворот и началась децентрализация власти, это не привело к хаосу. Другое дело, что ситуацией воспользовались США. Американский бизнес стал по дешевке скупать кофейные плантации.

Новое правительство, боясь интервенции и восстановления монархии, сильно увеличило армию. Внешнему миру было объявлено, что энергичная власть берет на себя внешний государственный долг. А в январе 1890 года произошло отделение Церкви от государства и провозглашение свободы вероисповедания.

Тогда же началось интенсивное освоение городских земель фавелами – теперь это важная часть Рио.

Фавела (favela) по-португальски означает трущобу, причем применительно к Бразилии чаще всего выросшую на склоне горы. В начале этого процесса там было минимальное наличие инфраструктуры (сейчас уже есть электричество, водоснабжение, автобусный транспорт и даже Интернет). В этом смысле слово «фавела» отвечало другому своему значению – названию цепкого и живучего растения, способного расти на склонах холмов. Но фавелы приобрели и официальное толкование – как «сообщества» (comunidades).

Это все было продолжением исторического развития – бывшие рабы двигались по территории и заселяли такие места, в результате чего со временем образовывалось неожиданное социальное сосуществование. На выгодных возвышениях возникали богатые дома состоятельных господ, а в низинах и лоцинках – фавелы. И самое удивительное, что между богатством и бедностью повсюду было не больше 20 минут хода пешком. С учетом того, что самая большая фавела, выросшая в Рио, насчитывает полмиллиона обитателей. Но даже

сейчас в этом великом городе можно купить хорошую квартиру с видом на фавелы, по стоимости сопоставимую с аналогичной квартирой в Калифорнии.

Сегодня туда проведены коммуникации, там созданы социальные учреждения вроде школ и медпунктов. Но в то же время многие районы полиция до сих пор контролирует только условно, а часть фавел в Рио-де-Жанейро еще в начале XXI века время от времени патрулировалась военными. И как бы ни старались власти в сокращении социального неравенства, бразильцы, живущие в городах, всегда узнают на улице человека из фавелы невзирая на то, в чем он одет.

Проблема этих массовых поселений стоит перед многими странами Латинской Америки, но для Бразилии – в особенной мере. Потому что в ней существует резкая разница между богатством и бедностью, между степенью развития и существованием резко отличных друг от друга социальных групп. Это и специфика Бразилии, и характерная черта стран БРИКС – огромное социальное неравенство.

Бразилия располагает крупными концернами, современными предприятиями, выпускающими такие платформы для бурения, которые мы пока делать не умеем. Она строит гражданские самолеты средней дальности и имеет университеты мирового уровня. При этом общий уровень и качество образования в стране еще невысоки, а в ряде регионов просто низки.

Так вот этот контраст или парадокс характеризует то, что в экономической среде называется «ловушкой среднего уровня развития». С одной стороны, Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло – города под стать европейским, с другой – нищета фавел. Чтобы изменить текущую ситуацию, потребуется два-три поколения развивающей человека (семьи) жизни.

А что мы хотим, если в XIX веке это была, по сути, тихая европейская колония с мягким рабством, при котором на плантациях ударникам подневольного труда плантаторы вручали наградные планки с изображением различных символов отличия – в виде посуды, музыкальных инструментов, фруктов. Еще недавно такие планки (из серебра) можно было купить в лавке для туристов. Правда, сейчас исчезли – наверно, возобладала политическая корректность.

«Пусть англичане смотрят»

А вот для того чтобы отметить нечто иное, вселяющее надежду, надо вернуться к футболу. Точнее, к его историческому началу в Бразилии.

Было бы странно сказать, что футбол – это любимый вид спорта бразильцев. Так не говорят о чуде, которое объединило нацию. То есть сделало то, с чем не смогли справиться ни политика, ни экономика, ни религия. Футбол разрушил все мыслимые и немыслимые прежние барьеры. Во-первых, команды разбросанных по Бразилии городов стали друг с другом играть. И это было чуть ли не единственное, что их тогда устойчиво объединяло. Как Россию связал с запада на восток Запсиб, так Бразилию скрепили поездки на игры. Железные дороги, кстати, там проложены до сих пор в основном вдоль побережья.

Кроме территориального сближения с развитием футбола произошло разрушение территориальных, национальных и социальных барьеров.

Если смотреть на старые фотографии команд раннего бразильского футбола, то может показаться, что это происходит в Оксфорде. Мы видим практически джентльменов в бриджах, ботинках, галстуках, чинно играющих, как тогда говаривали, в мяч.

В это же время формировались команды городских рабочих окраин – из неважно одетых, по национальной принадлежности перемешанных молодых людей. Но вскоре «аристократы» и «работяги» стали забывать о социальных барьерах. Им в этом помогло свободное пространство футбольных полей.

И это ускорило решение проблемы интеграции бывших рабов, чернокожих и мулатов, выходцев из фавел в общество. Потому что футболисты становились известными, неплохо зарабатывающими людьми, и никто уже не видел в них бедных или цветных. Толерантность стадионов стала распространяться на все население.

Итак, Бразилия, которую мы сейчас знаем, началась с освобождения рабов и объединения населения в нацию на таком чувстве, как любовь к футболу.

Ночная жизнь национальной валюты

Конечно, это сопровождалось этапами тяжелого социально-экономического развития. Правда, бразильцы добились того, что в течение Второй мировой войны, когда их участие в ней было связано с экономической помощью, они начали индустриализацию. Все это происходило на фоне, можно сказать, «более мягкого антикоммунизма», чем это было в некоторых соседних странах.

Иногда бразильские фавелы чувствуют себя выше небоскребов.

Нельзя не учитывать того, что политический режим 1964–1985 годов в Бразилии был авторитарным. Достаточно сказать, что за это время во власти сменилось пять президентов, каждый из которых был генералом. Причем первый из них, Кастелу Бранку, взявший власть при поддержке не только военных, но и среднего класса, оказался серьезным антикоммунистом. Он выступал за стабильность политической и экономической жизни. Поэтому многие права граждан последовательно ограничивались. Жесткие меры сказались на политической и экономической жизни нации. Были отменены коллективные договоры, право на забастовки и запрещены демонстрации.

Кроме диктатуры свою интересную и, может быть, даже поучительную роль в развитии страны сыграли периоды инфляции. Так, например, в 1980–1990-х годах гиперинфляция достигала сотен процентов в год. Вот как это выглядело в обыденной экономической жизни общества.

Вечерами масса городских жителей бежала в ближайший банк сдавать деньги на одну ночь под 1%. С вечера у вас есть, скажем, 100 крузейро, а утром вы получаете уже на процент больше, но инфляция росла теми же темпами. Один из авторов видел это своими глазами в 1990 году. Такой механизм давно описан, но когда видишь это в реальной жизни, то понимаешь, что на твоих глазах вершится что-то историческое. С каким знаком – это уже другой вопрос. Но нельзя было не заметить, что финансовая система (компьютеры, программы, фонды и пр.) была весьма дееспособной.

Диктатура и жуткая инфляция стали своего рода печатями, стоящими на репутации страны поверх кофе и футбола. К началу 90-х годов прошлого века к бразильскому обществу пришло осознание того, что надо свою историю как-то менять.

Это было как раз то время, когда многим государствам не только Восточной Европы, но и Латинской Америки вольно или невольно помог крах Советского Союза. Давление на развивающиеся страны с помощью пропаганды антикоммунизма ослабло. Кто сильно хотел, мог уже цитировать Карла Маркса, и можно было перестать опасаться обвинения в зависимости от неких внешних сил типа пресловутого Коминтерна.

Поэтому довольно скоро в жизнь бразильского общества стали входить идеи демократических и экономических реформ. А начались эти реформы в духе футбольного пенальти, но в политике. В 1993 году президент страны Фернанду Колор ди Мелу покинул свой пост в результате объявленного ему парламентом страны импичмента.

После чего началась новая серия президентов, которые начинают проводить в жизнь разные стабилизационные программы. Если не вникать в экономические тонкости, то в целом стране удалось в то время снизить инфляцию (к 1996 году инфляция сократилась до 15,8% в год). Главное же было в другом – выйти из диктатуры и отладить модель демократии в принципе. И это бразильцам удалось – достигнутый уровень прав и свобод устойчиво сохраняется.

И это создало условия для успешной социально-популистской политики, которую стал проводить пришедший к власти в 2003 году президент Луис Инасиу Лула да Силва. Это было выдающееся событие. Человек, который был лидером рабочего движения, вдруг становится президентом.

В политическом смысле президент Лула был выходцем из левопопулистских кругов. А в Латинской Америке всегда существовали такие горизонтальные связи, при которых члены одной семьи могли представлять собой разнообразные социальные и государственные институты. Один брат служит в армии, другой профессор в университете и т.д. Эти неформальные скрепы создавали не только определенные условия устойчивого существования, но и позволяли осуществлять определенные проекты на благо всех. На этом многое строилось в периоды консолидации демократии.

Эти особенности плюс приглашения специалистов и производственных концернов из развитых стран дали возможность начать наконец программу развития. Так, Бразилия стала выпускать самолеты, автомобили, развивать производство этанола.

Как им это удалось? Вопрос непростой. Так же как и ответ на него.

Банк, такой же как Всемирный. Но не он

На официальном сайте российского Внешэкономбанка есть отдельная страничка: «Бразильский банк развития: опыт стратегического управления». Вот что там говорится об истории и задачах этого финансового института:

«Бразильский банк развития (Banco Nacional de Desenvolvimento Economico e Social) (далее – BNDES) был создан в 1952 году с целью содействия развитию промышленности и инфраструктуры в стране. BNDES является инструментом федерального правительства Бразилии по реализации промышленной и инфраструктурной политики, а также основным финансовым институтом в стране, предоставляющим долгосрочное финансирование.

Стратегические приоритеты деятельности BNDES определяются федеральным правительством Бразилии в зависимости от задач развития экономики Бразилии:

- в 1950-е годы – инфраструктура (энергетика и транспорт), сталелитейная промышленность;
- в 1960-е годы – тяжелая промышленность, производство ТНП, развитие МСП, технологическое развитие;
- в 1970-е годы – импортозамещение, сырьевые отрасли, обновление промышленного оборудования;
- в 1980-е годы – энергетика, сельское хозяйство, поддержка рыночных интеграционных процессов в экономике;
- в 1990-е годы – частная инфраструктура, экспорт, управление приватизацией, городское и социальное развитие;
- в нулевые – инфраструктура, структурные изменения в промышленности, развитие МСП, экспорт, развитие социальной сферы;
- в настоящее время – технологические инновации и конкурентоспособность, политика устойчивого развития».

Бразильский банк развития (ББР) – это уникальный финансовый институт. Его можно в чем-то сравнить с Мировым банком. Через него проходит 90% капиталовложений на срок более 10 лет и примерно 50% тех, что вкладываются на срок более 5 лет.

Это, по сути, колоссальный инвестиционный фонд, который сидит не в ежегодном бюджете страны, а находится в Банке развития, который деньги возвращает через коммерческих кредиторов. Помимо этого у него есть маленький налог на «занятость», который Банк развития получает уже 60 лет.

У банка десятки миллиардов долларов вложений. Он сыграл огромную роль в индустриализации страны и проведении промышленной политики.

И нам, вместо того чтобы фанатично бороться с промышленной политикой, как у нас это было еще в начале 2000-х, надо было ее спокойно осуществлять. Бразильцы – сангвиники и при любых политических извихах действовали прежде всего разумно.

На этом экономическом подъеме Бразилия сумела увеличить потребление хорошо образованных людей, то есть среднего и «нижнего среднего» класса.

Так получилось, что в серединную по уровню доходов часть общества удалось переместить около 30 млн человек.

И это оказались люди достаточно образованные. Они становились владельцами компьютеров, телевизоров, автомобилей и т.д. Что очень напоминает рост потребления в России. Но в Бразилии остается еще большой сегмент населения, который надо включать в образовательный процесс.

Ловушка среднего уровня

Если же говорить в целом, то на фоне роста потребления в Бразилии оставались нерешенными три важные проблемы.

Допустим, бразильцу нужно жилье побольше. Но тут выясняется, что жилищное строительство в сравнении с производством товаров длительного пользования в стране сильно отстало. Это направление развития потребовало несравненно больше денег, чем товары длительного пользования. А это очень сложно – пока оживленного жилищного строительства не замечается.

Вторая проблема заключается в том, что рост потребления не принес производству желаемую эффективность промышленного производства. А при низкой конкурентоспособности отечественных производителей победу в борьбе за покупателей, как правило, одерживает импорт. Что и произошло – промышленность в тяжелом кризисе.

Третья проблема вырастает из первых двух.

Если в стране появляется и укрепляется средний класс, к тому же образованный, получивший доступ к телевидению, Интернету, если в ней президентом выбирается человек из профсоюзов, а в обществе возникает дискуссия о демократии, то это уже не просто расширение среднего класса, а развитие и укрепление гражданского общества. И тут может выясниться, что одной из особенностей гражданского общества является повышенный интерес его членов к борьбе с коррупцией.

Люди начинают интересоваться, как возникают те или иные мощные корпорации, как к отдельным энтузиастам попадают в руки самые выгодные государственные контракты, где и с кем такие люди договариваются, и насколько это законно. И вот уже реальность становится такой, что темпераментные журналисты пытаются показать связь действующих политических деятелей с теми или иными компаниями. Или возьмите другую сенсацию – известный в стране строительный магнат договаривался с министерствами о выгодных для себя контрактах.

Но вы не найдете в мире страну такого же уровня развития, где магнаты не договаривались бы с властью о подобных сделках на самых разных уровнях контактов. А в развитых странах? Да то же самое, просто это было у них гораздо раньше – в XX веке.

Да, нынешнее бразильское общество полагает себя демократическим, в нем хорошо себя чувствуют левые идеи, поэтому коррупция для многих романтиков – страшное зло, которое надо немедленно изжить.

Если соотнести этот пафос с проблемой российской коррупции, то бразильцы будут скорее на позитивной стороне проблемы.

Здесь очень важно сказать другое. Подобные состояния и проблемы характеризуют страны, попавшие в так называемую ловушку среднего уровня. Ловушку, в которой можно застрять надолго, если не найти разумный путь в более устойчивое общество с более высоким уровнем производительности труда.

И все-таки при многих схожих признаках развития Бразилия отличается от России несравнимо большим масштабом бедности. То же самое можно сказать о социальном неравенстве. И о многих других различиях. Впрочем, это не отменяет и очевидных сходств. Начиная с того, что Бразилия, как и Россия, – большая страна с огромными ресурсами. Как и Россия, она хочет (и может) из ловушки среднего уровня двигаться вверх.

Поэтому главное сейчас для бразильцев – это обеспечить рост экономики. И признаки такого подъема есть. Например, активное строительство гидроэлектростанций. Намечены большие планы, связанные с добычей недавно открытых запасов нефти.

Учитывая то, что в течение последних 25 лет страна динамично шла вперед, у нее есть немало возможностей продолжить этот курс.

Нам кажется очень важным, что эта страна может стать моделью для всей Латинской Америки. Дело в том, что страны БРИКС оказывают большое влияние на те государства, которые с ними соседствуют. Наверное, это касается не только типа экономики, но и национальных особенностей развития демократических, социальных, культурных процессов. Надеемся, такие особенности читатели «НГ» почувствуют в наших следующих рассказах о других странах, входящих в клуб БРИКС.